

И.Я. Коростовец

Россия на Дальнем Востоке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Я. Коростовец**
Россия на Дальнем Востоке / И.Я. Коростовец – М.: Книга по Требованию, 2017. – 204 с.

ISBN 978-5-517-97955-1

ISBN 978-5-517-97955-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторія есть лишь картина преступленій и несчастій.

Вольтеръ.

ГЛАВА I.

Боксерскій мятежъ. Элементъ сверхъестественнаго. Участіе Россіи въ подавленіи мятежа. Портъ-Артуръ и главный начальникъ Квантунской области адмиралъ Алексѣевъ.

Возникновеніе и быстрые успѣхи боксеризма объясняются слабостью и неспособностью правительства и гнетомъ провинціальныхъ властей, въ связи съ хроническимъ зломъ Китая—голодомъ. Накопившееся въ народѣ раздраженіе противъ иностранцевъ, поддерживаемое, главнымъ образомъ, дѣятельностью миссіонеровъ, еще усилилось къ концу прошлаго вѣка, благодаря захватной политикѣ нѣкоторыхъ державъ, особенно Россіи въ Маньчуріи и Германіи въ Шандунѣ. Подъ предлогомъ стратегическихъ и политическихъ соображеній и компенсацій, иностранцы заняли китайскіе порты и цѣлыя территоріи въ формѣ концессій и арендъ, совершенно не считаясь съ суверенными правами Китая.

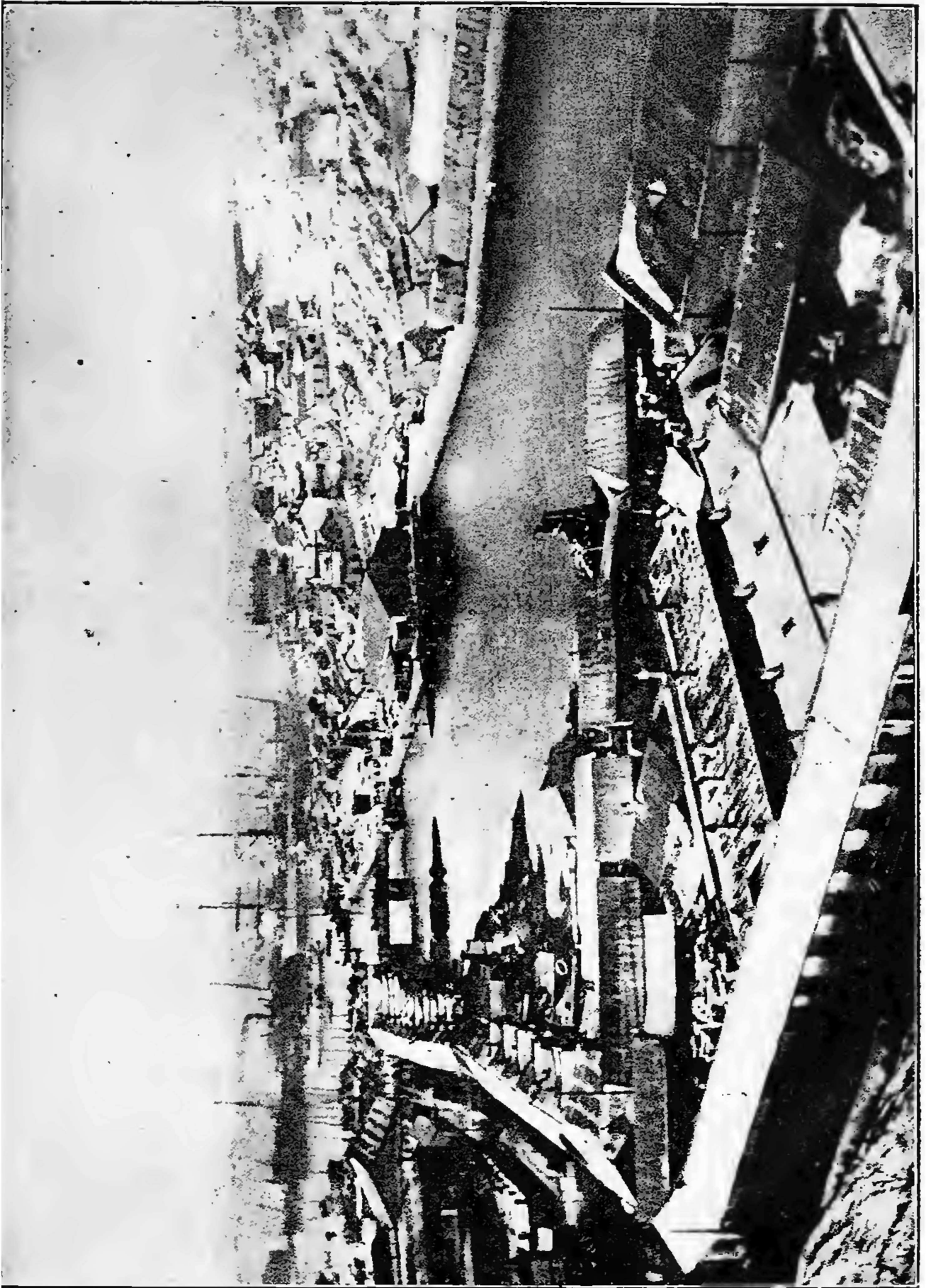
Первыя боксерскія волненія произошли въ 1898 году и начались съ голоднаго бунта. Народное возмущеніе вскорѣ направилось противъ иностранцевъ и приняло форму анти-миссіонерскихъ погромовъ въ Шандунѣ. Въ сущности, повторилось то, что такъ часто происходитъ въ Китаѣ, но лишь въ большемъ масштабѣ. Боксеры стали жечь миссіонерскія учрежденія, школы, госпитали и часовни и преслѣдовать миссіонеровъ, преимущественно католиковъ, болѣе склонныхъ къ вмѣшательству во внутреннюю жизнь китайцевъ. Беспорядки постепенно распространились изъ Шандуна на Чжали, Шанси, Анхой и Маньчурію. Мѣстные власти пытались противодѣйствовать возстанію присылкой карательныхъ отрядовъ, но усердіе это не встрѣтило сочувствія Пекинскаго правительства. Сначала послѣднее заняло выжидательную позицію, не зная, какъ повернутся событія. Съ одной стороны, оно какъ будто бы

было противъ боксеровъ, какъ враговъ общественнаго порядка, съ другой—ихъ поощряло и даже узаконило секту якобы потому, что она преслѣдуетъ патріотическія цѣли взаимопомощи. Особенно серьезную поддержку боксерамъ оказалъ шаньунскій губернаторъ Юсянь, объявившій себя ихъ покровителемъ. Уступая протестамъ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ, правительство отозвало Юсяня, замѣнивъ его Юаньшангаемъ, но было уже поздно: зло пустило слишкомъ глубокіе корни; къ тому же, всѣ видѣли, что Дворъ сочувствуетъ боксерамъ.

Въ январѣ 1900 года былъ обнародованъ указъ о провозглашеніи Пуцюна, малолѣтняго сына одного изъ князей Императорскаго Дома, наследникомъ престола. Мѣра эта мотивировалась бездѣтностью Богдыхана Гуансюя и необходимостью обезпечить престолонаслѣдіе. Отецъ новаго наследника Цзай-и, принцъ Дуань, пользовался репутаціей ненавистника иностранцевъ, и выборъ его, естественно, былъ приписанъ вліянію боксеровъ. Послѣдующія событія оправдали это предположеніе, ибо вдовствующая Императрица Цы-си стала склоняться на сторону шовинистовъ, стремившихся побудить ее къ открытому выступленію противъ европейцевъ. Боксерскіе вожди, поддерживаемые нѣкоторыми высшими чиновниками и придворными, указывали на то, что слѣдуетъ использовать боксеровъ, чтобы отвратить народный гнѣвъ отъ династии. Особый фанатизмъ проявилъ въ этомъ случаѣ главный придворный евнухъ, или, какъ его называли, ложный евнухъ, Лилянниъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на Императрицу. Онъ держалъ себя наиболѣе непримримо и настаивалъ на полномъ изгнаніи европейцевъ изъ Китая.

По выработанному этой группой плану, было рѣшено начать войну противъ иностранцевъ и попытаться отнять у нихъ утреченныя Китаемъ территоріи. Предназначенная для этой цѣли армія миценія состояла изъ пекинскаго гарнизона силою въ 40 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ почтеннаго князя Цина, едва ли вѣрившаго въ успѣхъ дѣла, но не рѣшившагося по слабохарактерности идти противъ большинства, десятитысячнаго отряда головорѣзовъ, подъ громкимъ названіемъ „славныхъ тигровъ“, и изъ Императорской гвардіи, подъ начальствомъ маньчжура Ган-И. Такимъ образомъ, кажущееся безуміе китайскаго правительства было въ дѣйствительности политическимъ заговоромъ, имѣвшимъ цѣлью предупредить внутреннюю революцію.

Принятое правительствомъ рѣшеніе направить боксеровъ противъ иностранцевъ повело къ нападенію на дипломатическихъ представителей въ Пекинѣ и къ конфликту—въ сущности говоря, къ войнѣ, между Китаемъ и державами. Первыми, начавшими военныя дѣйствія, были Россія и Японія, за которыми вскорѣ послѣдовали Франція, Соединенные Штаты

Великобританія, Італія, Австрія и Германія. Послѣдняя выступила съ особой рѣшительностью, въ отмщеніе за убійство германскаго посланника барона фонъ-Кеттлера, и, вообще, старалась расширить размѣры принятой державами экспедиціи. Борьба продолжалась недолго: Китай былъ побѣжденъ и долженъ былъ подчиниться суровымъ условіямъ, наложеннымъ на него союзниками въ 1901 году.

Боксерское возстаніе, подобно многимъ народнымъ движеніямъ въ Китаѣ, также заключало въ себѣ элементъ сверхъестественнаго. Провозгласивъ своимъ девизомъ защиту имперіи и уничтоженіе иностранцевъ, боксерскіе вожди стали прривлекать послѣдователей обѣщаніемъ безсмертія и неуязвимости. Установилось мнѣвіе, что настоящій боксеръ не могъ умереть, а, въ случаѣ смерти, долженъ воскреснуть. Этотъ элементъ сверхъестественной, магической силы сталъ привлекать въ ряды боксеровъ простолюдиновъ не только изъ городской, но и изъ деревенской среды, вообще болѣе склонной къ суевѣрію. Ученые или интеллигенты, хотя и не вѣривші въ заклинанія боксерскихъ колдуновъ, присоединялись къ движенію изъ патриотизма, въ надеждѣ, что это поможетъ Китаю вернуть независимость и освободиться отъ ненавистнаго чужеземца. Вожди секты воображали, подобно своимъ Тайпінскимъ предшественникамъ, что они являются избранными представителями неба, и что ихъ задача—обновленіе Китая, что можетъ быть достигнуто изгнаніемъ всѣхъ иностранцевъ¹⁾. Были образованы общества для пропаганды боксерскаго ученія, ихъ члены стали производить заклинанія и давать представленія неуязвимости. Хотя эти чудеса были довольно грубыми фокусами, но они вносили смущеніе въ умы невѣжественныхъ зрителей и содѣйствовали престижу боксеризма.

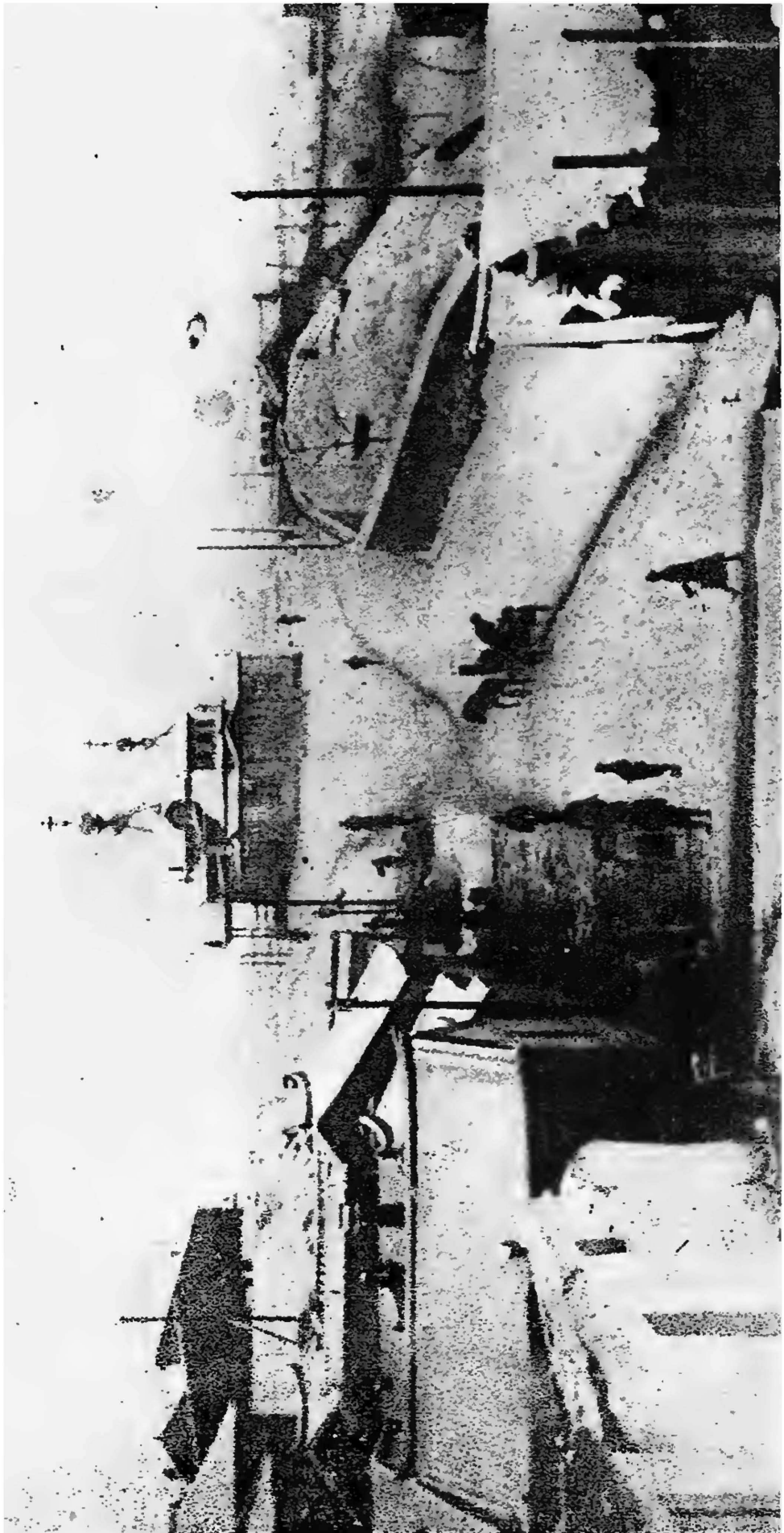
¹⁾ Тайпінское возстаніе было направлено противъ правительства, и, главнымъ образомъ, противъ Маньчжурской династіи. Начавшись въ концѣ 40-ыхъ годовъ, оно продолжалось около 15 лѣтъ, захвативъ шесть южныхъ провинцій. Центромъ Тайпінскаго правительства былъ городъ Нанкинъ, захваченный имъ въ 1853 году. Попытка Тайпінцевъ овладѣть Пекиномъ окончилась неудачей, послѣ чего возстаніе пошло на убыль и было окончательно подавлено при содѣйствіи иностранцевъ, подъ руководствомъ англійскаго генерала Гордона. Названіе Тайпінъ произошло отъ термина Да-бинъ-чжао, т. е. сторожника династіи мира. Виновиномъ движенія былъ безвѣстный сельскій учитель Хун-сю-пюань, уроженецъ Кантонской провинціи. Потерпѣвъ неудачу на провинціальномъ экзаменѣ и не получивъ ученой степени, Хунъ, подобно многимъ демагогамъ, сдѣлался врагомъ правительства. и это, по всѣмъ вѣроятіямъ, повліяло на его карьеру. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ оказался во главѣ группы полунинтеллигентныхъ фанатиковъ, проповѣдывавшихъ новую доктрину нравственнаго обновленія—смѣсь политическихъ и социальныхъ теорій коммунистическаго характера, одобренныхъ китайскими суевѣріями. Хунъ постепенно проникся мистицизмомъ, вообразивъ себя избранныкомъ неба, посланнымъ, чтобы освободить Китай отъ ига маньчжурскихъ поработителей и восстановить поклоненіе Шанди, т. е. высшему существу. Убѣжденный въ своей сверхъестественной миссіи, Хунъ, принявшій титулъ небеснаго царя, сталъ обнародовать небесные декреты, якобы получавшіеся имъ свыше. Во всемъ этомъ была, конечно, значительная доля шарлатанизма, который, однако, способствовалъ популярности Тайпінскаго пророка.

Кандидатъ въ боксеры, дабы стать членомъ братства, долженъ былъ подвергнуться строгимъ испытаніямъ въ согласіи съ нѣкоторымъ ритуаломъ, а равно пройти черезъ заклинанія, молитвы, пость и акробатическія упражненія. Отсюда, повидному, англійское названіе „боксеръ“. Послѣ такой тренировки, приводившей обыкновенно къ припадку каталепсиса, кандидатъ считался достаточно посвященнымъ и возводился въ рангъ боксера, т. е. становился неуязвимымъ. Вѣра въ такую неуязвимость глубоко вкоренялась въ умы населенія, и, если какъ-нибудь случалось, что боксера убивали, то смерть его приписывалась случайнымъ обстоятельствамъ—его неискренности или недобросовѣстности въ исповѣданіи доктрины.

Участіе Россіи въ подавленіи мятежа было, какъ извѣстно, весьма значительное, и, въ сущности говоря, она вмѣстѣ съ Японіей нанесла первый сильный ударъ, остановившій дальнѣйшее распространеніе боксерства.

Послѣ занятія въ 1898 году Ляодунскаго полуострова съ крѣпостью Портъ-Артуръ и съ бухтой Даляньванъ (впослѣдствіи Дальній), русское правительство занялось устройствомъ военной и гражданской власти въ предѣлахъ занятой территоріи¹⁾. Адмиралъ Алексѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Государя, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Квантунской области, съ титуломъ главнаго начальника. Алексѣеву было также поручено командованіе нашими военными и морскими силами на Дальнемъ Востоку и гражданское управленіе. Хотя права и компетенція Алексѣева были весьма обширны, самая важная часть области осталась внѣ его вѣдѣнія. Управленіе городомъ Дальнимъ, основаннымъ въ бухтѣ Даляньванъ, а равно Южно-Маньчжурской желѣзной дорогой, были оставлены въ завѣдываніи главнаго инженера Китайской Восточной желѣзной дороги, Юговича. Послѣдній жилъ въ Харбинѣ, въ 600 верстахъ отъ Портъ-Артура, и подчиненъ былъ непосредственно министру финансовъ Витте. Этотъ государственный дѣятель, имѣвшій, какъ извѣстно, довольно самодержавныя наклонности, отнесся къ назначенію Алексѣева отрицательно, опасаясь, что послѣдній будетъ проводить свою, вѣроятно, агрессивную, политику и мѣшать его планамъ въ Маньчжуріи. Все, что дѣлалось на Квантунѣ нашимъ военнымъ и морскимъ начальствомъ, не встрѣчало сочувствія Витте, агенты коего ревниво охраняли Дальній и желѣзную дорогу отъ всякаго вмѣшательства, даже когда таковое касалось общихъ стратегическихъ мѣръ. Созданное такимъ путемъ двоевластіе вскорѣ сдѣлалось источникомъ без-

¹⁾ Территорія, образующая южную часть Мукденской провинціи, была сдана въ аренду Россіи согласно Русско-китайской конвенціи 1898 года для сооруженія порта въ конечномъ пунктѣ Южно-Маньчжурской вѣтви Китайской ж. д.

конечныхъ пререканій между военнымъ и гражданскимъ управленіями, которыя старались оба получить преобладаніе. Рознь усугублялась соперничествомъ между морскимъ и военнымъ штабамъ. Во главѣ послѣдняго, впрочемъ, недолго, находился Субботичъ, молодой и честолюбивый генераль, который съ видимою неохотой подчинялся Алексѣеву. Эти разногласія и борьба за власть, происходившія среди враждебнаго населенія, подъ ревнивымъ наблюденіемъ Японіи, повели къ серьезнымъ ошибкамъ и отчасти способствовали паденію русскаго господства на Дальнемъ Востоку.

Главными помощниками Алексѣева въ Портъ-Артурѣ были командующіе гарнизономъ и крѣпостью генералы Субботичъ, Стессель, Холодовскій и Базилевскій, начальники военного и морского отдѣловъ полковникъ Флугъ и адмиралъ Витгефтъ, командиръ надъ портомъ адмиралъ Старкъ, полицмейстеръ и комиссары: гражданскій — полковникъ Громбчевскій, финансовый — Протасьевъ, и дипломатическій. Въ область были, кромѣ того, введены наши окружной и мировой суды.

Въ виду знакомства съ Алексѣевымъ, я принялъ предложенный мнѣ постъ дипломатическаго комиссара и вошелъ въ составъ Квантунской администраціи. Я рѣшился на этотъ шагъ, ибо мнѣ хотѣлось вернуться въ Китай, гдѣ я провелъ нѣсколько памятныхъ лѣтъ въ качествѣ секретаря нашей Дипломатической Миссіи въ Пекинѣ. Мнѣ, кромѣ того, было интересно принять участіе въ осуществленіи нашей новой колониальной политики.

Я отправился на Востокъ въ октябрѣ 1899 года на французскомъ пароходѣ, вмѣстѣ съ адмираломъ Алексѣевымъ. Вмѣстѣ со мной поѣхала моя семья. Алексѣева сопровождали его адъютанты, лейтенанты Шванкъ и Ульяновъ. Путешествіе до Шанхая произошло безъ инцидентовъ. Здѣсь мы, т. е. Алексѣевъ, его адъютанты, я и мой сынъ, перешли на крейсера „Адмиралъ Корниловъ“ для продолженія плаванія.

Мы подошли къ Портъ-Артуру въ ясное декабрьское утро. Покрытый снѣгомъ скалистый берегъ блисталъ подъ яркими лучами зимняго солнца. При приближеніи къ мысу Тигровый хвостъ, насъ привѣтствовалъ салютъ орудій съ Золотой горы и со стоявшихъ на рейдѣ судовъ нашей эскадры. Я потомъ узналъ, что Портъ-Артурская гавань, или такъ называемый ковшъ, слишкомъ малъ для нашего флота, который, такимъ образомъ, принужденъ былъ оставаться на внѣшнемъ рейдѣ, находясь постоянно подъ парами. Это отсутствіе хорошаго внутренняго порта и узкій входъ сказались впоследствии во время нашей войны съ Японіей.

Я не буду описывать первыхъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Портъ-Артурѣ; достаточно сказать, что условія жизни въ этомъ за-

брошенномъ мѣстѣ были довольно первобытны. Квартиръ не было, а имѣвшіяся были заняты высшимъ начальствомъ; кромѣ того, крѣпостныя правила ограничивали продажу и аренду домовъ и квартиръ. Мы также страдали отъ отсутствія самыхъ нужныхъ удобствъ, какъ, напр., хорошей питьевой воды. Это обстоятельство, въ связи съ плохими санитарными условіями и скученностью населенія, являлось причиною большой смертности среди нашего гарнизона. Провизию доставляли изъ Японіи и изъ Чифу. Вообще, весь городъ имѣлъ видъ чего-то временнаго и неустрашеннаго. Мы жили, точно въ лагерь, который могъ быть перенесенъ въ каждый данный моментъ на другое мѣсто.

Такъ какъ герцемъ моего повѣствованія является Алексѣевъ, я скажу нѣсколько словъ объ этомъ государственномъ дѣятелѣ Алексѣеву было тогда, кажется, 55 лѣтъ. Онъ былъ низкаго роста и плотнаго тѣлосложенія, съ большой головой, нѣсколько крючковатымъ носомъ и пронзительными черными глазами. Въ то время онъ носилъ небольшую бороду, уже начинавшую сѣдѣть. Отличаясь подвижнымъ и дѣятельнымъ характеромъ, онъ требовалъ того же отъ подчиненныхъ. Обыкновенно весьма вѣжливый въ обращеніи, онъ становился рѣзокъ, когда не понимали его желаній, или отпоспавъ къ дѣлу, спустя рукава. Въ этомъ отношеніи больше всего доставалось его адъютантамъ. Адмиралъ славился своимъ хлѣбосолецтвомъ и умѣлъ принять и угостить. Несмотря на русское имя, я не называлъ бы его русскимъ; говорятъ, что мать его была армянка. У него былъ практическій живой умъ, мало склонный, какъ то часто встрѣчается среди русскихъ, къ метафизическимъ обобщеніямъ и химерамъ. Его главными недостатками я считаю нерѣшительность, склонность къ лести и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Онъ пользовался расположеніемъ нашего Двора, гдѣ у него были сильные покровители, начиная съ самого Государя. По образованію и ширинѣ умственнаго кругозора онъ стоялъ выше многихъ крупныхъ нашихъ бюрократовъ. Алексѣевъ интересовался военными и морскими дѣлами, особенно послѣдними. Изъ него, вѣроятно, вышелъ бы хорошій морской министръ, и можно только сожалѣть, что судьба или неумѣренное честолюбіе привели его въ Портъ-Артуръ, гдѣ военный специалистъ, какъ показали дальнѣйшія событія, былъ бы болѣе на мѣстѣ.

Вслѣдствіе моего оффиціального положенія и близкихъ отношеній къ Алексѣеву, я былъ болѣе или менѣе въ курсѣ нашихъ Дальневосточныхъ дѣлъ и освѣдомленъ о видахъ нашего правительства. Въ этихъ воспомнаніяхъ я попытаюсь описать мои личные впечатлѣнія во время боксерскаго кризиса.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ бытность мою русскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, я былъ свидѣтелемъ китайской революціи 1911 года. Въ то время